

ОРЕНБУРГСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 ОКТЯБРЯ.

№ 20.

1905 Г О Д А.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Русское духовенство въ изображеніи современныхъ беллетристовъ.

(Продолженіе).

III.

А. П. Чеховъ.

Слава и гордость нашей литературы, обаятельный авторъ несравненныхъ очерковъ и рассказовъ, надѣленный чисто-гоголевскою чуткостью къ пошлой и темной сторонѣ русскаго челоуѣка и русской жизни, обладавшій широкимъ умственнымъ кругозоромъ, носившій въ душѣ своей отраву глубокой скорби, А. П. Чеховъ оставилъ намъ высокаго качества и несравненнаго значенія литературное наслѣдіе.

Начавши съ мелкихъ изящныхъ миньятюръ, Чеховъ закончилъ созданіемъ геніальныхъ образовъ, въ которыхъ обобщались типичныя явленія русской дѣйствительности. Въ произведеніяхъ Чехова отразилось доброе и злое общественной жизни конца минувшаго вѣка, великая тоска и вялые порывы, безконечное уныніе и свѣтлая вѣра въ грядущее обновленіе... И наше духовное сословіе не ускользнуло отъ наблюденія Чехова. При этомъ насъ не должна смущать краткость, а порой даже мимолетность, съ которою художникъ останавливался на духовномъ классѣ. Чеховъ вообще былъ поразительно скупъ на слова и краски: онъ высказывалъ только главное, предоставляя частности договаривать самому читателю, рисовалъ только основными красками и тѣмъ не менѣе достигалъ поразительныхъ эффектовъ. Его герои, носители высокихъ обобщеній, почти символы—являются въ тоже время живыми людьми, почти портретами, подобно тому,

какъ его картины природы, нарисованныя иногда при помощи нѣсколькихъ словъ, казались огромными полотнами. Одинъ нѣмецкій критикъ такъ выразился о Чеховѣ: «Чеховъ рисуетъ лишь вѣтку цвѣтущей сирени, а отъ его картины вѣтъ цвѣтущей весною».

Посмотримъ же на ту вѣтку, которую пришлось Чехову сорвать въ нашемъ духовномъ вертоградѣ и изслѣдуемъ, чѣмъ благоухаетъ она.

Много создалось афоризмовъ и крылатыхъ словъ насчетъ будто бы слишкомъ благополучнаго и сытаго поповскаго житья. Несомнѣнно, существуетъ въ нашей жизни и такое. Но то, что изображено Чеховымъ, говоритъ намъ о совершенно противоположныхъ явленіяхъ. «Нѣтъ житья лучше поповскаго да котовскаго», говоритъ одна народная поговорка. Съ точки зрѣнія обнищавшаго и задавленнаго вѣчной работой и вѣчной нуждой крестьянина, жизнь его сельскаго батюшки можетъ представиться ему завидной, преисполненной всякаго благополучія. Въ подобномъ пониманіи нельзя винить крестьянина, нельзя удивляться тому, что простой необразованный человѣкъ сплошь и рядомъ не видитъ и не понимаетъ часто дѣйствительной нужды и бѣдности матеріальной своего приходскаго пастыря. У крестьянина передъ его взоромъ постоянно и несокрушимо стоитъ неисходная нужда и, подобно громадной горѣ, мѣшаетъ ему разглядѣть ясно дѣйствительное положеніе другихъ. Ни удивляться, ни тѣмъ болѣе обижаться или негодовать за это на крестьянина не приходится. Это такъ просто, это такъ понятно. Но вотъ что возмутительно, когда какой-нибудь «непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Кунинь» («Кошмаръ»), мучаясь потугами къ полезной дѣятельности среди сельскаго простонародья, по своимъ понятіямъ о поповскомъ житьѣ, по своимъ отношеніямъ къ сельскому священнику ничѣмъ не отличается отъ послѣдняго грубаго мужика и не видитъ той рѣзкой и вопіющей дѣйствительности, которая бьетъ господъ Куниныхъ и имъ подобныхъ интеллигентовъ прямо по глазамъ. Это настолько возмутительно, что правдивый художникъ не могъ не замѣтить этого и не преподнести русской публикѣ въ видѣ хорошаго урока.

Представьте себѣ: «Непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Кунинъ, молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, вернувшись изъ Петербурга въ свое Борисово, послалъ первымъ дѣломъ верхового въ Синькино за тамошнимъ священникомъ, отцомъ Яковомъ Смирновымъ.

Часовъ черезъ пять отецъ Яковъ явился.

— Очень радъ познакомиться! - встрѣтилъ его въ передней Кунинъ.—Ужъ годъ, какъ живу и служу здѣсь, пора бы, кажется, быть знакомыми. Милости просимъ! Но, однако... какой вы молодой!—удивился Кунинъ.—Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать восемь-съ...—проговорилъ отецъ Яковъ, слабо пожимая протянутую руку и, неизвѣстно отчего, краснѣя.

Кунинъ ввелъ гостя къ себѣ въ кабинетъ и принялся его разсматривать».

Пока г. Кунинъ разсматриваетъ о. Якова, скажемъ нѣсколько словъ по поводу приведенной картины. Сколько въ ней правды. Картина эта суха и дѣловита, какъ и самая жизнь безцвѣтная и бѣдная. Но, не смотря на свою краткость и даже сухость, данная картина будитъ въ нашей душѣ прошлую исторію нашей русской жизни съ ея крѣпостнымъ правомъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда, какъ не изъ той мрачной эпохи, унаслѣдовано разными Куниными пренебрежительное отношеніе къ священнику? Во многихъ явленіяхъ современной жизни звучитъ еще эхо крѣпостного времени, когда отцы и дѣды современныхъ Куниныхъ относились къ духовенству почти такъ же, какъ и къ своимъ рабамъ крестьянамъ. По существующимъ правиламъ воспитанности и вѣжливости Кунинъ, какъ человѣкъ пріѣзжій, долженъ былъ бы первый сдѣлать визитъ своему приходскому батюшкѣ. Такіе визиты онъ, конечно, сдѣлалъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ: и Плюшкину, и Собакевичу, и Ноздреву, и капитану Копѣйкину и Иудушкѣ Головлеву и т. п. Но, конечно, не подумаетъ о томъ, чтобы сдѣлать визитъ какому-то тамъ Синькинскому попу. Онъ просто, когда ему вздумается, пошлетъ нарочнаго къ попу и попу долженъ будетъ явиться немедленно и непремѣнно. А попробуй-ка, не явись попу къ Кунину! Онъ согнетъ его въ бараний рогъ, нажалуется самому архіерею, а ты поди—оправдывайся.

Мы оставили Кунина въ тотъ моментъ, когда онъ былъ занятъ разсматриваніемъ фізіономіи робко сидѣвшаго передъ нимъ о. Якова Смирнова. Что же нашелъ г. Кунинъ?

«Какое аляповатое, бабье лицо! Странный субъектъ! — подумалъ Кунинъ, глядя на его полы, обрызганныя грязью: приходитъ въ домъ первый разъ и не можетъ поприличнѣй одѣться.

— Садитесь, батюшка, — началъ онъ болѣе развязно, чѣмъ привѣтливо, придвигая къ столу кресло. — Садитесь же, прошу васъ!

Отецъ Яковъ кашлянулъ въ кулакъ, неловко опустился на край кресла и положилъ ладони на колѣни. Малорослый, узкогрудый, съ потомъ и краской на лицѣ, онъ на первыхъ же порахъ произвелъ на Кунина самое непріятное впечатлѣніе. Ранѣе Кунинъ никакъ не могъ думать, что на Руси есть такіе несолидные и жалкіе на видъ священники, а въ позѣ отца Якова, въ этомъ держаніи ладоней на колѣняхъ и въ сидѣніи на краешкѣ, ему видѣлось отсутствіе достоинства и даже подхалимство».

Какая громадная разница во взаимныхъ отношеніяхъ г. Кунина и о. Смирнова! Принимая въ своемъ домѣ о. Якова, Кунинъ ни на минуту не позволяетъ, такъ сказать, забывать о. Якову, что онъ только сельскій священникъ, величина очень маленькая и даже ничтожная. Ничего не смысля въ дѣлѣ самъ, Кунинъ тѣмъ не менѣе не задумывается разыграть роль чловѣка дѣловаго, много понимающаго и т. п. Пригласивши о. Якова съѣсть, Кунинъ тотчасъ же, какъ и подобаешь чловѣку серьезному и дѣловому, приступаетъ прямо къ дѣлу.

— «Я, батюшка, пригласилъ васъ по дѣлу... — началъ Кунинъ, откидываясь на спинку кресла. На мою долю выпала пріятная обязанность помочь вамъ въ одномъ вашемъ полезномъ предпріятіи... Дѣло въ томъ, что, вернувшись изъ Петербурга, я нашелъ у себя на столѣ письмо отъ предводителя. Егоръ Дмитріевичъ предлагаетъ мнѣ взять подъ свое попечительство церковно-приходскую школу, которая открывается у васъ въ Синьковѣ. Я, батюшка, очень радъ, всей

душой... Даже больше: я съ восторгомъ принимаю это пред-
ложеніе!

Кунинь поднялся и заходилъ по кабинету».

Далѣе — очень цѣнная картинка, рисующая намъ, какъ
разные господа Кунины оказывали свое содѣйствіе и пек-
лись о церковно-приходскихъ школахъ.

«— Конечно, и Егору Дмитріевичу и, вѣроятно, вамъ из-
вѣстно, что большими средствами я не располагаю. Имѣніе
мое заложено и живу я исключительно только на жалованье
непремѣннаго члена. Стало-быть, на большую помощь вы рас-
считывать не можете, но что въ моихъ силахъ, то я все сдѣ-
лаю... А когда, батюшка, думаете открыть школу?

— Когда будутъ деньги...—отвѣтилъ отецъ Яковъ.

— Теперь же вы располагаете какими-нибудь-средствами?

— Почти никакими-съ... Мужики постановили на сходѣ
платить ежегодно по тридцати копѣекъ съ каждой мужской
души, но вѣдь это только обѣщаніе! А на первое обзаведеніе
нужно, по крайней мѣрѣ, рублей двѣсти...

— Н-да... Къ сожалѣнію, у меня теперь нѣтъ этой сум-
мы...—вздыхнулъ Кунинь.—Въ поѣздкѣ я весь истратился и...
задолжалъ даже. Давай-те общими силами придумаемъ что-
нибудь.

Кунинь сталъ вслухъ придумывать. Онъ высказывалъ
свои соображенія и слѣдилъ за лицомъ отца Якова, ища на
немъ одобренія или согласія. Но лицо это было безстрастно,
неподвижно и ничего не выражало, кромѣ застѣнчивой робо-
сти и безпокойства. Глядя на него, можно было подумать,
что Кунинь говорилъ о такихъ мудреныхъ вещахъ, которыхъ
отецъ Яковъ не понималъ, слушалъ только изъ деликатности
и притомъ боялся, чтобы его не уличили въ непониманіе».

«Малый, какъ видно, не изъ очень умныхъ»...—думалъ
Кунинь: «Не въ мѣру робокъ и глуповать».

— Не написать-ли намъ преосвященному?—продолжалъ
соображать вслухъ Кунинь. —Вѣдь, собственно говоря, не зем-
ство, не мы, а высшія духовныя власти подняли вопросъ о
церковно-приходскихъ школахъ. Онѣ должны по-настоящему и
средства указать. Мнѣ помнится, я читалъ, что на этотъ

счетъ даже была ассигнована сумма какая-го. Вамъ ничего неизвѣстно?»

Однако о. Яковъ не потому не отвѣчалъ Кунину на всѣ его изысканія средствъ, что былъ «не изъ очень умныхъ», какъ успѣшилъ заключить на его счетъ Кунинъ, а совершенно по другимъ причинамъ. Во-первыхъ, очевидно, потому, что не придавая никакого значенія глубокомысленной болтовнѣ непремѣннаго члена, а во-вторыхъ, еще и потому, что о. Яковъ былъ очень голоденъ и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ принялся за чаепитіе. Кунину, какъ человѣку не только сытому, но даже пресыщенному, конечно, непонятенъ былъ аппетитъ хронически голодавшего о. Якова. Какъ потомъ увидимъ, о. Яковъ иногда даже по праздникамъ сидѣлъ у себя дома безъ чаю. До всего этого упитанный Кунинъ не могъ додуматься или вѣрнѣе сказать, онъ совершенно не думалъ о другихъ, подобно тому, какъ не допускалъ онъ и того, чтобы можно было взять будучи гостемъ какой-нибудь кренделекъ и повезти его домой своимъ голоднымъ дѣтямъ или своей голодной женѣ, какъ сдѣлалъ это о. Яковъ на пріемѣ у Кунина. Сытый, не разсуждающій Кунинъ, вмѣсто того, что бы вникнуть въ положеніе своего посѣтителя, вмѣсто того, чтобы угостить его, видя его необыкновенный аппетитъ и такой поступокъ, какъ прятаніе въ карманъ откушеннаго кренделчка, еще болѣе проникается презрѣніемъ къ о. Якову.

«Ну, ужъ это совѣтъ не по-іерейски!—подумалъ Кунинъ, брезгливо пожимая плечами. Что это, поповская жадность, или ребячество?»

Давъ гостю выпить еще одинъ стаканъ чаю и проводивъ его до передней, Кунинъ легъ на софу и весь отдался неприятному чувству, навѣянному на него посѣщеніемъ отца Якова.

«Какой странный, дикій человѣкъ!—думалъ онъ—грязень, неряха, грубъ, глупъ и, навѣрное, пьяница... Боже мой, и это священникъ, духовный отецъ! Это учитель народа! Воображаю, сколько ироніи должно быть въ голосѣ дьякона, возглашающаго ему передъ каждой обѣдней: благослови, владыко! Хорошъ владыко! Владыко, не имѣющій ни капли достоинства, не воспитанный, прячущій сухари въ карманы, какъ школь-

никъ... Фи! Господи, въ какомъ мѣстѣ были глаза у архіерея, когда онъ посвящалъ этого человѣка? За кого они народъ считаютъ, если даютъ ему такихъ учителей? Тутъ нужны люди, которые»... И Кунинъ задумался о томъ, кого должны изображать изъ себя русскіе священники... «Будь, на примѣръ, я попомъ... Образованный и любящій свое дѣло попъ много можетъ сдѣлать... У меня давно бы уже была открыта школа. А проповѣдь? Если попъ искрененъ и вдохновленъ любовью къ своему дѣлу, то какія чудныя, зажигательныя проповѣди онъ можетъ говорить!» Кунинъ закрылъ глаза и сталъ мысленно слагать проповѣдь. Немного погодя онъ сидѣлъ за столомъ и быстро записывалъ.

— «Дамъ тому рыжему, пусть прочтетъ въ церкви» — думалъ онъ.

Когда въ одно изъ ближайшихъ воскресеній къ этому времени Кунинъ посѣтилъ Синькинскую церковь, домъ Синькинскаго священника, понаблюдалъ послѣдняго у него въ собственномъ домѣ и церкви, «онъ былъ уже разочарованъ и почти съ неприязнью глядѣлъ на сѣрую церковь».

— «Жалуются на паденіе въ народѣ религіознаго чувства... — вздохнулъ онъ. — Еще бы! Они бы еще больше понасажали сюда такихъ поповъ».

Интересно, какъ держалъ себя Кунинъ въ церкви. Ни вѣшная, ни внутренняя обстановка бѣдной сельской церкви не удовлетворила Кунина. «Кунинъ постоялъ немного, послушалъ и вышелъ покурить. Раза три потомъ входилъ Кунинъ въ церковь и всякій разъ его сильно потягивало на свѣжій воздухъ».

Принимая о. Якова у себя въ домѣ, Кунинъ давалъ чувствовать своему гостю свое превосходство надъ нимъ. Онъ поилъ своего гостя чаемъ только тогда, когда самъ этого хотѣлъ. Онъ не справлялся съ тѣмъ, что желалъ о. Яковъ раньше: дѣломъ ли заниматься или чай пить. Кунинъ прямо приступалъ къ дѣлу. Но когда послѣ церковной службы Кунинъ очутился гостемъ самъ у о. Якова, онъ, со свойственной ему барской развязностью, съ претензіей выработанной длинной исторіей, не церемонится съ хозяиномъ дома и, вмѣсто отвѣтовъ на вопросы о. Якова, нетерпѣливо заявляетъ:

— Вот что батюшка... Прежде чѣмъ мы приступимъ къ дѣлу, угостите меня чаемъ, а то у меня вся душа высохла.

Отецъ Яковъ заморгаль глазами, крикнулъ и пошелъ за перегородку. Послышалось шушуканье...

— Должно-быть, съ попадѣй,—подумаль Кунинъ. Интересно бы поглядѣть, какая у этого рыжаго попадья...

Немного погодя, отецъ Яковъ вышелъ изъ-за перегородки красный, потный и, силясь улыбнуться, сѣлъ противъ Кунина на край дивана.

— Сейчасъ поставять самоваръ,—сказаль онъ, не глядя на своего гостя.

«Боже мой, они еще самовара не ставили!» ужаснулся про себя Кунинъ. «Изволь теперь ждать!»

— Я вамъ привезъ,—сказаль онъ,—черновое письмо, которое я написалъ архіерею. Прочту послѣ чая...

Но судьба на сей разъ была слишкомъ жестока къ русскому барину. Чаю ему не пришлось напиться, ибо такового не оказалось у о. Якова. Вотъ почему о. Яковъ краснѣлъ, потѣлъ, силился улыбнуться, согнулся, о чемъ-то усердно думаль и, повидимому, не слушалъ гостя. Вотъ о чемъ шушукались супруги Смирновы за перегородкой. Но Кунинъ не могъ подумать объ этомъ.

«Нѣтъ, не дождусь я тутъ чаю»,—подумаль онъ, глядя на часы. «Да, кажется, тутъ я не совсѣмъ желанный гость. Хозяинъ не соблаговолилъ со мной и одного слова сказать, а только сидить, да глазами хлопаеть».

Кунинъ взялся за шляпу, дождался отца Якова и простился съ нимъ.

Кунинъ теперь почти ненавидѣлъ отца Якова. Эготъ человекъ, его жалкая, каррикатурная фигура, въ длинной, помятой ризѣ, его бабье лицо, манера служить, образъ жизни и канцелярская, застѣнчивая почтительность оскорбляли тотъ небольшой кусочекъ религіознаго чувства, который оставался еще въ груди Кунина и тихо теплился на ряду съ другими нянюшкиными сказками. А холодность и невниманіе, съ которыми онъ встрѣтилъ искреннее горячее участіе Кунина въ его же собственномъ дѣлѣ, было трудно вынести самолюбію...

Вечеромъ того же дня Куининъ долго ходилъ по комнатамъ и думалъ, потомъ рѣшительно сѣлъ за столъ и написалъ архіерею письмо. Попросивъ денегъ для школы и благословенія, онъ, между прочимъ, искренно, по-сыновьи, изложилъ свое мнѣніе о синьковскомъ священникѣ. «Онъ молодъ,—написалъ онъ,—недостаточно развитъ, кажется, ведетъ нетрезвую жизнь и вообще не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя вѣками сложились у русскаго народа по отношенію къ его пастырямъ». Написавъ это письмо, Куининъ легко вздохнулъ и легъ спать съ сознаниемъ, что онъ сдѣлалъ доброе дѣло.

«Въ понедѣльникъ утромъ, когда онъ еще лежалъ въ постели, ему доложили о приходѣ отца Якова. Вставать ему не хотѣлось, и онъ велѣлъ сказать, что его нѣтъ дома. Во вторникъ уѣхалъ онъ на сѣздъ, и, вернувшись въ субботу, узналъ отъ прислуги, что безъ него ежедневно приходилъ отецъ Яковъ.

«Какъ, однако, ему мои крендельки понравились,—подумалъ Куининъ».

Такимъ образомъ цѣлую недѣлю ходилъ къ г. Кунину о. Яковъ. И когда онъ снова предсталъ передъ Кунинымъ, то не только полы его платья, но даже и шляпа были обрызганы грязью. Какъ и въ первое посѣщеніе, онъ былъ красенъ и потенъ. И теперь, какъ тогда, онъ робко сѣлъ на краешекъ кресла. Но Куининъ порѣшилъ уже не возобновлять съ нимъ разговора о школѣ, не метать бисера. Желая поскорѣе выпроводить нежеланнаго гостя, Куининъ извинился и заявилъ, что ему нужно ѣхать.

«Отецъ Яковъ встрепенулся, какъ сонный человѣкъ, котораго ударили и, не переставая улыбаться, началъ въ смущеніи запахивать полы своей рясы.

— Прощу, батюшка, въ другой разъ...—сказалъ Куининъ, а на прощаньи у меня къ вамъ будетъ просьба... Тутъ какъ-то я вдохновился, знаете, и написалъ двѣ проповѣди... Отдаю на ваше разсмотрѣніе... Коли сгодятся, прочтите».

Какъ ни экстраваганта была выходка Кунина по части проповѣдничества, о. Яковъ какъ будто и не замѣтилъ этого: онъ былъ слишкомъ придавленъ своимъ безысходнымъ положе-

ніемъ, вотъ почему его нисколько и не удивила претензія Кунина прослыть Златоустомъ въ своемъ муравейникѣ.

«Хорошо-съ...—сказалъ отецъ Яковъ, покрывая ладонью лежавшія на столѣ проповѣди Кунина.—Я возьму-съ»...

И какъ бы въ отвѣтъ на ту неожиданность, отъ которой у о. Якова не дрогнула ни одна жилка, отвѣчаетъ Кунину такой неожиданностью, которая перевертываетъ все міросозерцаніе наивнаго непремѣннаго члена, открывая ему глаза на житіе русскаго попа и на многое другое въ русской жизни.

— Павелъ Михайловичъ,—сказалъ онъ, видимо стараясь говорить громко и явственно.

— Что прикажете?

— Я слышалъ, что вы изволили тово... рассчитать своего писаря и... ищете теперь новаго...

— Да... А вы имѣете порекомендовать кого-нибудь?

— Я, видите ли... я... Не можете ли вы отдать эту должность... мнѣ?

— Да развѣ вы бросаете священство?—изумился Кунинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро проговорилъ отецъ Яковъ, почему-то блѣднѣя и дрожа всѣмъ тѣломъ.—Боже меня сохрани. Ежели сомнѣваетесь, то не нужно, не нужно. Я вѣдь это какъ бы между дѣломъ... чтобъ дивиденды свои увеличить... Не нужно, не беспокойтесь!

— Гм.. дивиденды... Но вѣдь я плачу писарю только двадцать рублей въ мѣсяць!

— Господи, да я и десять взялъ бы!—прошепталъ отецъ Яковъ, оглядываясь.—И десяти довольно! Вы... вы изумляетесь и всѣ изумляются. Жадный попъ, алчный, куда онъ деньги дѣваетъ? Я и самъ это чувствую, что жадный... и казню себя, осуждаю, людямъ въ глаза совѣстно... Вамъ, Павелъ Михайловичъ, я по совѣсти... привожу истиннаго Бога въ свидѣтели... Сорокъ рублей въ годъ я за брата Петра въ духовное училище взношу. Потомъ-съ, я еще въ консисторію за мѣсто свое не все еще выплатилъ. За мѣсто съ меня двѣсти рублей положили, чтобъ я по десяти въ мѣсяць выплачивалъ... Судите же теперь, что остается? А вѣдь, кромѣ

того, я долженъ выдавать отцу Авраамію, по крайней мѣрѣ, хоть по три рубля въ мѣсяцъ!

— Какому отцу Авраамію?

Сытый Кунинь былъ настолько невнимательнымъ къ «своему Борису», что совершенно не зналъ про существованіе тамъ несчастнаго о. Авраамія.

Отецъ Авраамій былъ предшественникомъ о. Якова по службѣ. «Его, — какъ очень деликатно выражался о. Яковъ, — лишили мѣста за... слабость, а вѣдь онъ въ Синьковѣ и теперь живетъ! Куда ему дѣваться? Кто его кормить станетъ? Хотя онъ и старъ, но вѣдь ему и уголь, и хлѣба, и одежду надо! Не могу я допустить, чтобъ онъ, при своемъ санѣ, пошелъ милостыню просить! Мнѣ вѣдь грѣхъ будетъ, ежели что! Мнѣ грѣхъ! Онъ... всѣмъ задолжалъ, а вѣдь мнѣ грѣхъ, что я за него не плачу».

— Отецъ Яковъ рванулся съ мѣста и, безумно глядя на полъ, зашагалъ изъ угла въ уголь.

— Боже мой! Боже мой! — забормоталъ онъ, то поднимая руки, то опускаая. — Спаси насъ, Господи, и помилуй! И зачѣмъ было такой санъ на себя принимать, ежели ты мало-вѣръ и силъ у тебя нѣтъ».

Такого пониманія пастырскихъ обязанностей, такого идеальнаго отношенія къ людямъ вообще Кунинь, конечно, не предполагалъ въ отцѣ Яковѣ. Самому Кунину подобное пониманіе взаимныхъ человѣческихъ отношеній никогда и не грезилося. О подобныхъ отношеніяхъ можетъ мечтать только человѣкъ-идеалистъ или же еще чистый юноша. Но Кунинь и въ юности не имѣлъ подобныхъ возвышенныхъ мечтаній. «Будучи еще двадцатилѣтнимъ молокососомъ, онъ дарилъ проституткамъ дорогіе вѣера, платилъ извозчику Кузьмѣ по десяти рублей въ день, подносилъ изъ тщеславія актрисамъ подарки». Прозрѣвшій теперь подъ вліяніемъ всего того, что рассказалъ ему о. Яковъ о своей собственной жизни, о жизни о. Авраамія, о женѣ доктора, которая, будучи съ институтскимъ образованіемъ, сама на себя бѣлье стирала и при томъ изъ-за той же гордости, которая мѣшала о. Якову просить помощи у богатыхъ, докторша стирала бѣлье такъ, чтобъ люди не видѣли, — норовила пораньше встать и за версту отъ деревни

уйти, Кунинь. припоминая свое прошлое, безпутную трату денегъ, совершенно искренно сожалѣлъ: «Ахъ, какъ бы пригодились теперь всѣ эти разбросанные рубли, трехрублевики, десятки! Отецъ Авраамій проѣдаетъ въ мѣсяць только три рубля, думалъ Кунинь. За рубль попадаья можетъ себѣ сорочку сшить, а докторша прачку нанять».

Теперь Кунину открылась та ужасная жизнь, о которой онъ раньше и не думалъ, а потому и сейчасъ боялся думать о ней.

«Помыслить, что священникъ всѣ эти дни ходилъ къ нему пѣшкомъ—Кунинь боялся: до Синькова было семь—восемь верстъ, а грязь на дорогѣ стояла невылазная. Кунинь взглянулъ на столъ... Къ счастью отецъ Яковъ забылъ второпяхъ взять съ собой его проповѣди... Кунинь подскочилъ къ нимъ, изорвалъ ихъ въ клочки и съ отвращеніемъ швырнулъ подъ столъ».

«Тутъ вдругъ Кунинь вспомнилъ доносъ, который написалъ онъ архіерею, и его всего скорчило, какъ отъ невзначай налетѣвшаго холода. Это воспоминаніе наполнило всю его душу чувствомъ гнетущаго стыда передъ самимъ собой и передъ невидимой правдой»...

Въ заключеніе своего разсказа авторъ говоритъ слѣдующія слова:

«Такъ началась и завершилась искренняя потуга къ полезной дѣятельности одного изъ благонамѣренныхъ, но черезъ чуръ сытыхъ и неразеуждающихъ людей».

Изъ разсказа логически вытекаетъ и другое заключеніе, но только частнѣе сдѣланнаго авторомъ. Такъ иногда сытые люди быстро и неосновательно дѣлаютъ свои заключенія на счетъ завиднаго поповскаго житья-бытья, не умѣя понять даже такихъ ужасовъ, которые, казалось бы, неотразимо бьютъ ихъ по собственнымъ глазамъ и которыхъ, казалось бы, ничѣмъ не заслонить и не закрыть.

Но такова ужъ особенность сытаго человѣка: сытый голоднаго не разумѣеть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Кровскій.